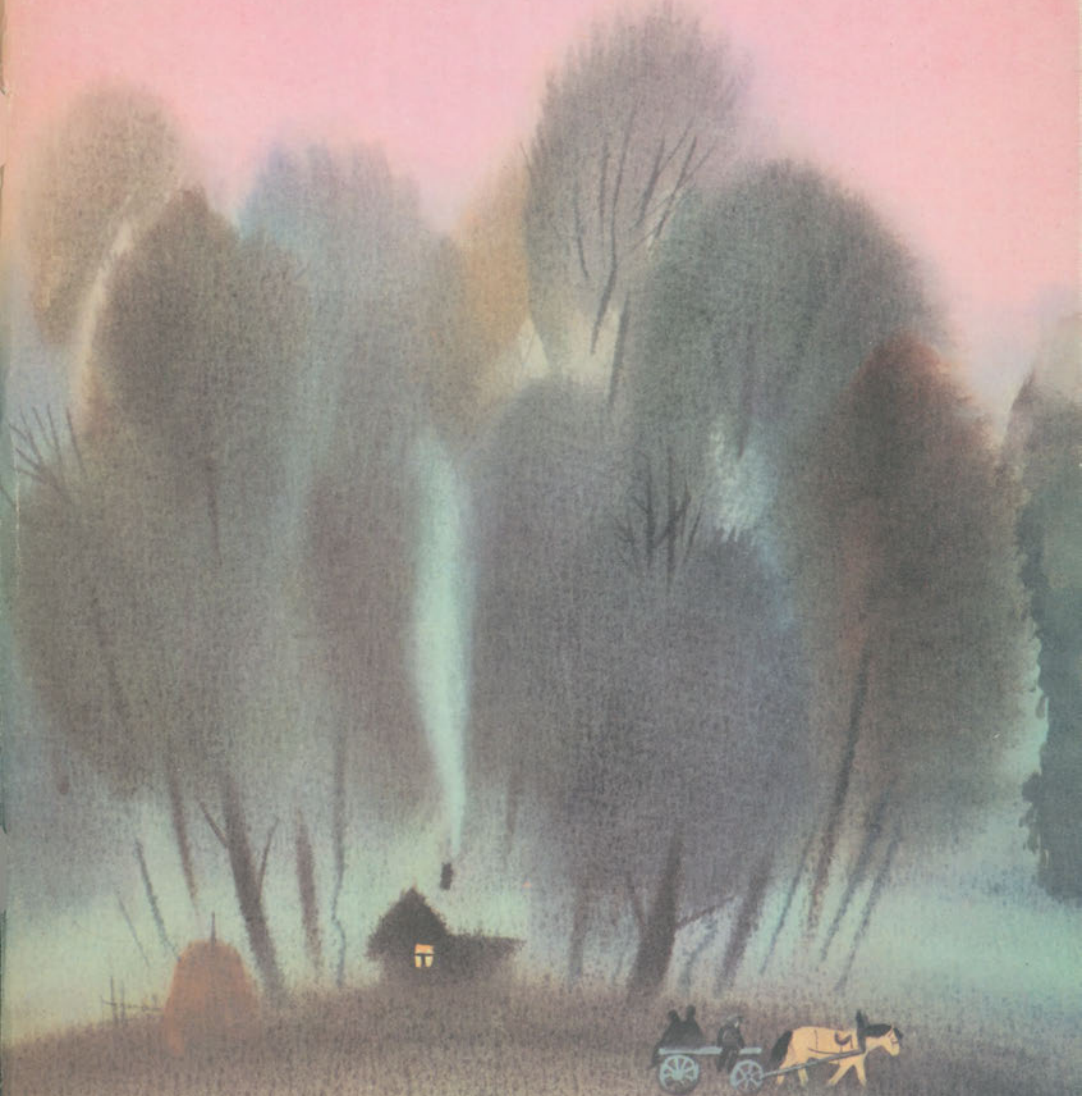

РАДИЙ ПОГОДИН
ТИШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1988

50 коп.

Для младшего школьного возраста

Радий Петрович Погодин

ТИШИНА

Художник В. Топков

Редактор Г. Гайдкова. Художественный редактор М. Салтыков.
Технический редактор М. Матюшина. Корректор Н. Пьяикова.

ИБ № 2406

Сдано в набор 26.03.87. Подписано в печать 28.09.87. 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1. Гарнитура литерат. Печать офсет. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 22,0. 3-й изд. л. 5,45. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1654. Заказ № 1604. Цена 50 коп. Издательство «Малыш», 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский орган Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР, 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

П 4803010201—096 82—88
М102(03)—88

© Издательство «Малыш» 1988

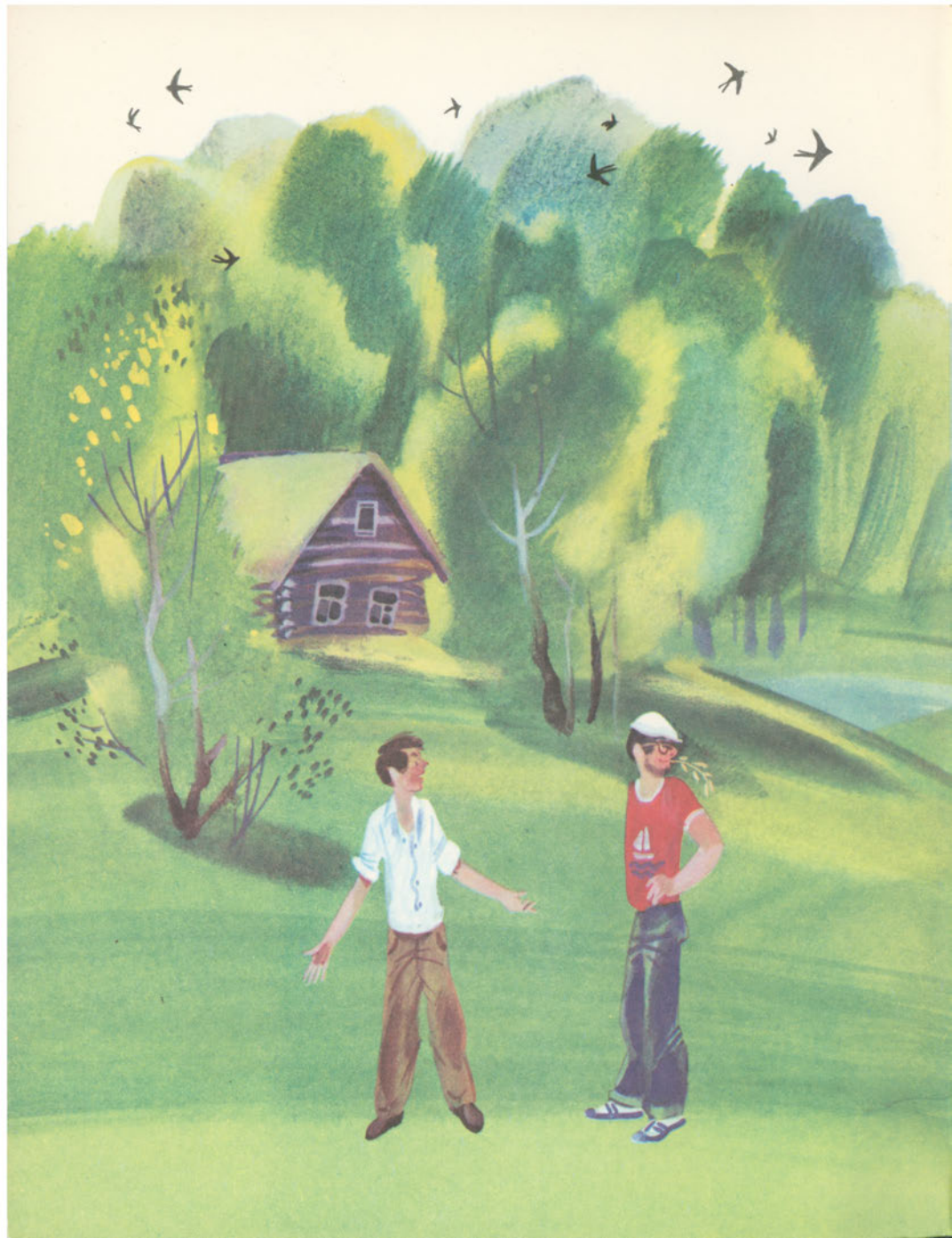
РАДИЙ ПОГОДИН

ТИШИНА

Рисунки В. Тонкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1988

Дом стоял на отшибе, у самого леса. Домишко маленький, без крыльца. Стены срублены из толстых, серых от времени брёвен. Из пазов торчал голубоватый мох. В домике одна комната. Если загородить её мебелью, она покажется не больше спичечного коробка. А сейчас хорошо — комната пустая. Только в углу лежат друг на друге два жарко-красных матраца.

— Тишина, — сказал Анатолий.

— Благодать, — сказал Кирилл. — Для ушей здесь курорт...

В пяти шагах от домишка лес: ели, укутанные в колючий мех, мускулистые сосны, берёзы в бело-розовом шёлке. Простодушный родник выбивался из-под земли и тут же прятался в междутравье, ослеплённый солнцем.

Кирилл привёз с собой краски, холсты и картоны. У Анатолия — чемодан толстых и тонких научных книжек. Вот и весь багаж, если не считать рюкзака, набитого съестным припасом.

Кирилл и Анатолий бродили вокруг дома, жевали траву — все дачники жуют траву, — мочили волосы родниковой водой, лежали под деревьями.

Тишина вокруг была мягкая, ласковая; она будто гладила по ушам тёплой пуховкой.

Анатолий поднял руку, сжал пальцы в кулак, словно поймал мотылька, и поднёс кулак к уху Кирилла.

— Слышишь?

— А что?..

— Тишина. Её даже в руку взять можно. — Анатолий улыбнулся и разжал кулак.

— Я есть хочу,— сказал Кирилл. Он подумал, поглядел на старые брёвна, на крышу из чёрной дранки.— Слушай, в нашем доме чего-то недостаёт.

— Чего?

— Пойдём посмотрим...

Они вошли в дом.

Тёплые половицы блестели, словно залитые лаком. Толстый шмель кружился вокруг рюкзака.

— Знаю,— сказал Кирилл.— У нас нету печки.

Анатолий лёг прямо на пол, сощурился под очками, набрал воздуха в грудь. Грудь у него плоская, бледная и вся в рёбрах, будто две стиральные доски, поставленные шалашом.

— Проживём без печки. Подумаешь, горе какое!

— А где мы будем кашу варить?

— А мы не будем кашу варить. Давай питаться всухомятку. Не надо жилище портить.

— Дом без печки — сарай,— упрямо сказал художник.

Анатолий опять набрал полную грудь лесного воздуха, потряс головой:

— Воздух здесь какой...

— Ага,— согласился Кирилл.— Пойдём к председателю, пусть нам поставят печку.

Они пошли в деревню — мимо жёлтой пшеницы, по островкам гусиной травы, мимо васильков и ромашек. Ласточки на телеграфных проводах смешно трясли хвостиками. Наверно, их ноги щипало током, но они терпели, потому что лень летать в такую жару.

В деревне тоже было тихо. Все в полях, на работе. Только в окошке конторы, как в репродукторе, kloкотал и хрипел председательский голос:

— Обойдётесь. Здесь один трактор. Силос уминает.

Председатель помахал гостям телефонной трубкой.

— Плату принесли? Заходите.

У небольшого стола, заваленного накладными, актами, сводками, сидела девушка. Она плавно гоняла на счётах костяшками.

— Понравился домик? Отдыхайте... Хибара для хозяйства непригодная, я её для туристов оборудовал. Сима, прими у товарищей плату за помещение.

Девушка отодвинула счёты.

— У нас нет печки,— сказал Кирилл.

— Чего?

— Печки у нас нет.

Председатель вытер шею платком. Девушка обмахнулась листочком. Они будто не поняли, о чём идёт речь.

— Жара,— сказал председатель.

— Всё равно,— сказал Кирилл.— Плату берёте, а дом без печки—это сарай. На чём мы будем пищу варить?

Председатель страдальчески сморщился:

— Какая тут пища! Тошнит от жары.

— У меня язва,— сказал Кирилл,— мне горячая пища нужна.

Грохнув, распахнулась дверь. Плечистый детина втащил в контору мальчишку.

Девушка-счетовод быстро поправила кудряшки, подпёрла пухлую щёчку указательным пальцем.

Детина тряс мальчишку с охотничьим рвением.

— Во!— рокотал он.— Попалясь!

— Чего тащишь?!— кричал мальчишка.

Контора заполнилась их голосами. Сразу стало веселее.

Парень толкнул мальчишку на табурет.

— Чума! Пятый раз с трактора сгоняю...

— Потихе. За версту слышно, как орёшь,—огрызнулся мальчишка, заправляя майку под трусики.

— А с печкой-то? — спросил Кирилл. — С печкой-то как?

— Никак,—сказал председатель; он распахнул дверь. На краю деревни стояли новенькие, обшитые тёсом дома. Шиферные крыши на них в красную и белую клетку.

— Все без печек. Люди в деревню прибывают. А печник один.

Чай приятели вскипятили на костре, послушали, как засыпает лес, и сами уснули на душистых матрацах из жарко-красного ситца.

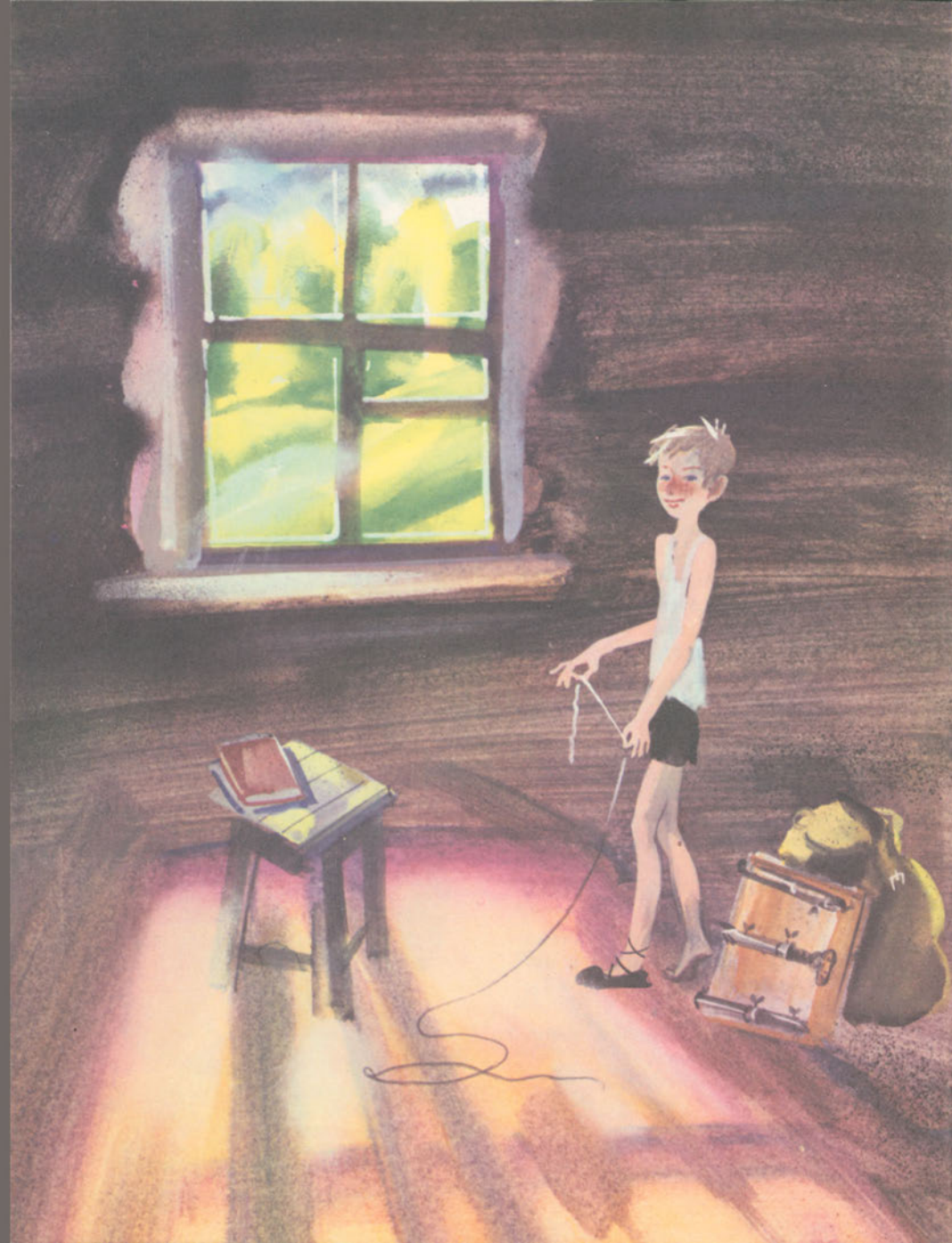
Утром Анатолий открыл глаза первым. На табуретке, посреди комнаты, сидел вчерашний мальчишка, листал книгу и дёргал время от времени облупленным носом. На одной ноге у него была калоша, привязанная верёвочкой; другая нога босая. Между пальцев застряла соломина.

— Очень приятно,—сказал Анатолий. — Ты вломился в чужое жилище без стука. Ты варяг.

Мальчишка поднялся, аккуратно закрыл книгу.

— Здравствуйте. Вы хотели сложить печку?

— Мы и сейчас хотим,— оживился Кирилл.— Этот печник— твой отец, что ли? Он приехал?

Мальчишка глянул на художника с сожалением, извлёк из-за пазухи верёвочку и молча принялся обмерять дом.

— Хороша кубатура. По такой кубатуре русскую печьку вполне подходяще.

— Нельзя ли поменьше? — угрюмо спросил Анатолий.

— Можно. Вам какую?

— А какие бывают?

Мальчишка посвистел дупловатым зубом и принялся перечислять:

— Русские бывают, хлебы печь. Голландки бывают — это для тепла. «Буржуйки» бывают, они для фасона больше... Времени ещё.

Анатолий перебил его, направляясь к дверям:

— Нам нужно кашу варить. Мой товарищ поест мастер.

— Для каши самое подходящее — плита.

Плита не понравилась Кириллу.

— Нет. Мы здесь будем до осени. Осенью ночи холодные. А мой товарищ, сам видишь, тощий. Он холода не переносит. У него сразу насморк. Нам что-нибудь такое соорудить, с прицелом.

— Если с прицелом, тогда вам универсальная подойдёт,— заключил мальчишка. Он опять вытащил верёвочку, но на этот раз обмерил пол и начертил посреди комнаты крест.

— Здесь ставить будем... А может, вам русскую лучше, чтобы хлеб печь? Может, вам осенью хлеб понадобится?

— Зачем? Хлеб в магазине купить можно.

Мальчишка почесал вихрастый затылок.

— Как ваше желание будет. Я подумал, может, вы своего хлеба захотите. Если бы магазин у бабки Татьяны хлеб брал, тогда бы другое дело. У бабки Татьяны хлеб вкусный.

За дверью загремело. С порога покатались ржавые вёдра.

— Чего ты здесь наставил?! — кричал Анатолий.

— Вёдра. Глину носить и песок,— невозмутимо ответил мальчишка.— Сейчас за глиной пойдёте.

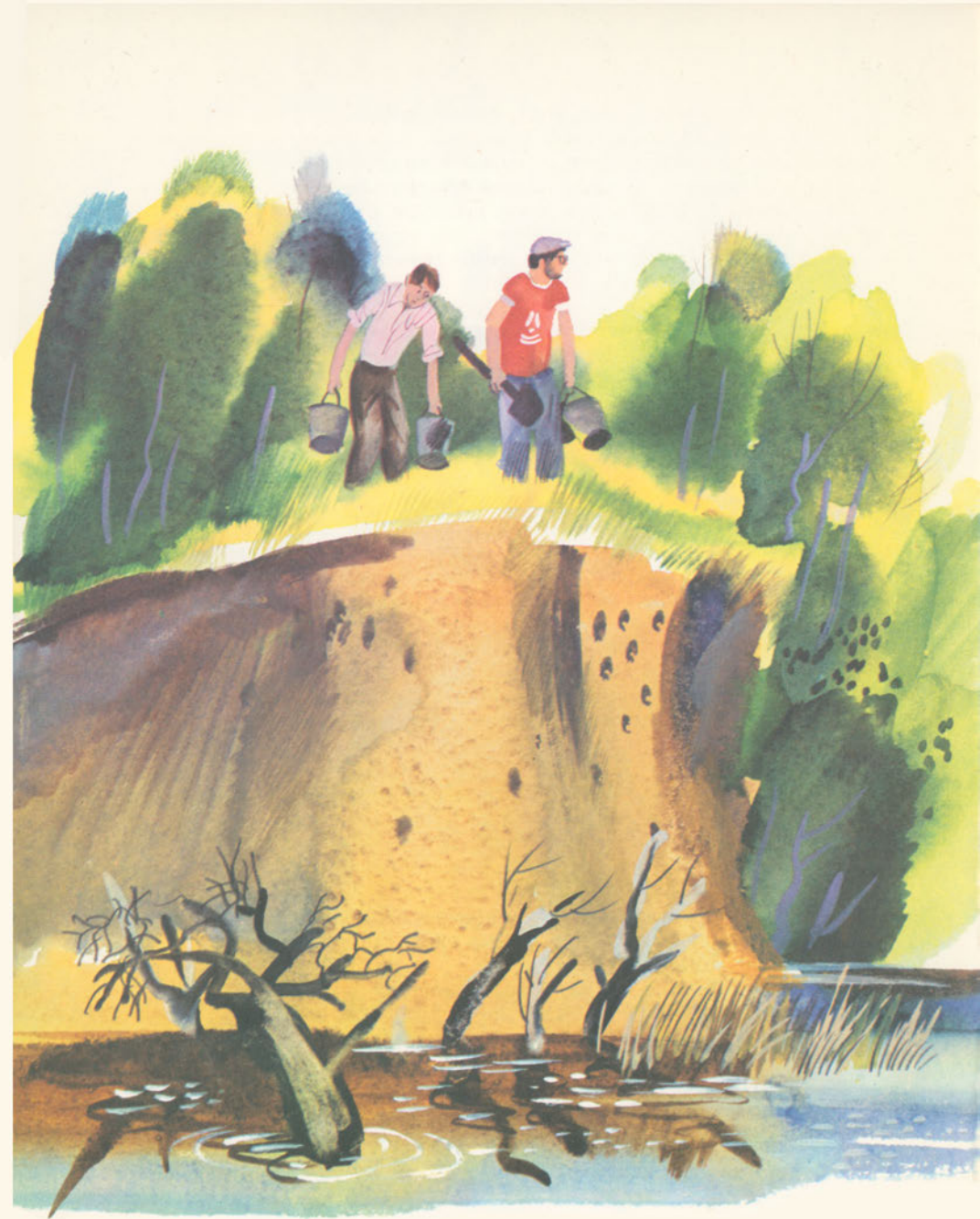
Анатолий вошёл в комнату, надел очки.

— Как это пойдёте? А ты?

— У меня других делов много... Подсобную работу завсегда хозяева делают. Иначе мы за неделю не управимся.

Мальчишка привёл их к реке, к высокой песчаной осыпи.

— Здесь песок брать будете,— сказал он.— Ещё глину покажу. Он пошёл вдоль берега. Анатолий попробовал воду в речке.

— Мы сюда отдыхать приехали?

— А что? — ухмыльнулся Кирилл. — Тебе тяжело, хочешь, я твои вёдра понесу?

Анатолий громыхнул вёдрами и побежал догонять мальчишку.

Мальчишка остановился в кустах в низинке. Кусты опустили в реку тонкие ветки. Они будто пили и не могли напиться. Осока шелестела под ногами, сухая и острая. Мальчишкины ноги покрылись белыми чёрточками. У Кирилла и Анатолия ноги были бледные, незагорелые. И от этого становилось тоскливо.

— В нашей деревне гончары жили, — говорил мальчишка не торопясь, с достоинством. — Горшки возили на ярманку. У нас глина звонкая. — Он остановился возле ямы, бросил в неё лопату.

— Тут брать будем. Потом за гравелем сходим.

— «Ярманка, гравель», — передразнил его Анатолий, взял лопату, стал копать, осторожно, как на археологическом раскопе.

— Зачем гравий? — спросил Кирилл, разминая в пальцах кусочек глины.

— Гравель для фундамента. Когда на электростанции агрегат устанавливали, мы с дядей Максимом заливали фундамент. Гравель хорошо цемент укрепляет.

— Да гравий же! — крикнул Анатолий и добавил потише, стыдясь своего взрыва: — Ты двоечник, наверное.

Мальчишка обиженно посмотрел на него.

— Ну, гравий. — Он насыпился и сказал сердито: — Кто так копает?.. — отобрал у Анатолия лопату, сильно и резко вогнал её ногой, отвалил пласт глины и шлёпнул в ведро. — Вот как нужно!

Кирилл засмеялся.

— Ты на него не кричи. Он отдыхать приехал. Он слабый... — Кирилл показал мальчишке смешного глиняного чёртика.

Мальчишка сказал:

— Глупости, — и пошёл через кусты к деревне.

Анатолий долго смотрел ему вслед.

— Меня, археолога, он ещё копать учит!

— А что? — усмехнулся Кирилл, повертел в руках чёртика и зашвырнул в кусты.

Один раз взойти на обрыв, может, не так уж и трудно, учитывая даже полные вёдра сырой глины. Второй раз тяжелее. Третий раз...

Кирилл ставил вёдра перед собой, потом, придерживаясь за них, передвигал ноги. Он добрался уже почти до верха. На самой вершине — сосна. Песок из-под её корней давно выполз. Сосна раскинула ветки. Она словно знала, что рано или поздно ей придётся лететь с

крутизны к речке. Кирилл сделал ещё один шаг. Песок пополз из-под его ног. Кирилл выпустил вёдра и уцепился за корни сосны.

— Берегись! — закричал он Анатолию.

Где тут беречься, если ноги по колено в песке, если они дрожат вдобавок. Вёдра пролетели кувырком мимо Анатолия, выбили у него из рук его собственные вёдра и остановились у самой реки.

Четыре ведра лежали внизу под обрывом. В каждом по пуду. Анатолий подполз к Кириллу, сел рядом с ним.

— Давай удерём, а? Плюнем на всё и удерём в леса...

— Мне нельзя, у меня язва, — печально ответил Кирилл.

Они приспособились носить вёдра на палке. Повесят вёдра на шест, шест взгромоздят на плечи. Это не легче, да и качает из стороны в сторону.

Куча глины и куча песка росли перед домом. Росли они медленно. Десять раз пришлось ходить к реке.

Когда они возвращались с последней ношей, кто-то крикнул почти над самыми их головами:

— Тпру!..

Кирилл и Анатолий остановились.

— Это уж слишком, — сказал Анатолий. — Заставляет работать и ещё издевается.

— Тпру! — снова раздался сердитый окрик. Из-за кустов выехал мальчишка. Он стоял в телеге, напоминавшей ящик, и кричал на буланую лошаdёнку. Лошаdёнка тянулась к траве, обрывала листья с кустов, как капризная гостья, которой не хочется ничего и хочется попробовать всё, что есть на столе.

— Садитесь, поехали, — сказал мальчишка. — А ну, не балуй!

— Куда ещё?

— Садитесь, садитесь. Мне лошаdь ненадолго выписали.

Подвода тряслась по дороге. Мальчишка деловито покрикивал на бойкую лошаdёнку. Кирилл и Анатолий сидели, вцепившись в высокие грядки телеги.

Тяжёлая пыль плескалась над лошадиными копытами, растекалась от колёс волнами.

— Давай, Толя, отдыхай. Какое небо над головой и цветочки!..

Анатолий хотел ответить насчёт неба, но тут телегу трянуло, и он ткнулся головой в спину вознице.

Мальчишка остановил лошадь.

Вокруг поля, перелески. На высоком бугре развалины старинной церкви. Церковная маковка валялась рядом. Она напоминала остов корабля, выброшенного бурей на мель.

— Здесь прежде деревня большая была,— сказал мальчишка.— Фашист в войну спалил. И церкву фашист разрушил... Хорошая была церква. Кино в ней пускать вполне можно...

Мальчишка спрыгнул на землю, подошёл к накренившейся стене и постучал по ней кулаком.

— Не знаете, случаем, какая раньше извёстка была? Я вот всё думаю — крепкая была извёстка.

Анатолий принялся объяснять, что старые мастера замачивали известь на несколько лет. Строили долго и дорого.

— Зато и стояла, сколь надо.— Мальчишка вытряхнул из телеги солому, посланную, чтобы Кириллу и Анатолию было мягче сидеть.

— Прошлым летом я в РТСе работал на водонапорной башне. Так нынче трещину дала... А ничего не придумали, чтобы быстро и надолго?

— Придумали, наверно,— ответил Анатолий.— По всей стране строительство идёт, а ты говоришь — не придумали.

— Я не говорю,— пробормотал мальчишка.— Грузите кирпич.

Кирилл и Анатолий нагружали телегу битьём, старались выбрать половинки.

— Хватит,— сказал мальчишка.— Лошадь не трактор. В другой раз сами поедете, без меня. Только в деревню не смейте.

Я председателю наврал, что подвода нужна за вещами съездить на станцию... Я пошёл...

— Куда ещё? — крикнул Анатолий.

— А по делам, — невозмутимо ответил мальчишка.

Кирилл и Анатолий сгружали возле дома третью подводу. Собрались уже ехать за четвёртой, как появился мальчишка. Он притащил моток проволоки, несколько старых рессорных листов и ржавые колосники.

— Вот, — сказал он довольно. — Рессоры я у Никиты выпросил, у колхозного шофёра. Я с ним весной блок перебирал... Колосник мне кузнец дал, дядя Егор. Я с ним прошлой осенью бороны правил. А проволоку Серёга отмотал. Монтер Серёга. Мы с ним проводку сегодня тянули по столбам.

— Слушай, с председателем ты ничего не делал? — ехидно спросил Анатолий.

— А что мне с председателем делать?

— Колхозом управлять, к примеру.

— Шутите. Для этого дела мотоцикл нужен, — с завистью сказал мальчишка. Почувствовав насмешку, он придавил глаза бровями и сказал строго: — Кирпич-то разобрать нужно. Битый отдельно. Половинки отдельно, цельные кирпичины в особую кучу.

Кирилл и Анатолий принялись разбирать кирпичи.

Мальчишка поглядел на них, взял лопату и, ни слова не говоря, принялся копать яму.

— За водой сбегайте! — командовал он, даже не подняв головы.

Анатолий схватил вёдра.

— Не споткнись! — крикнул ему Кирилл.

Потом Кирилл бегал за водой. Потом опять Анатолий. Потом Кирилл бросал в мальчишкину яму песок, Анатолий — глину. Оба по очереди лили в яму воду. Мальчишка замешивал раствор.

— Видели, как надо? Теперь сами... Чтoб комочков не было... Давайте... — Он отдал лопату Анатолию, сам пошёл в домик обмерять пол.

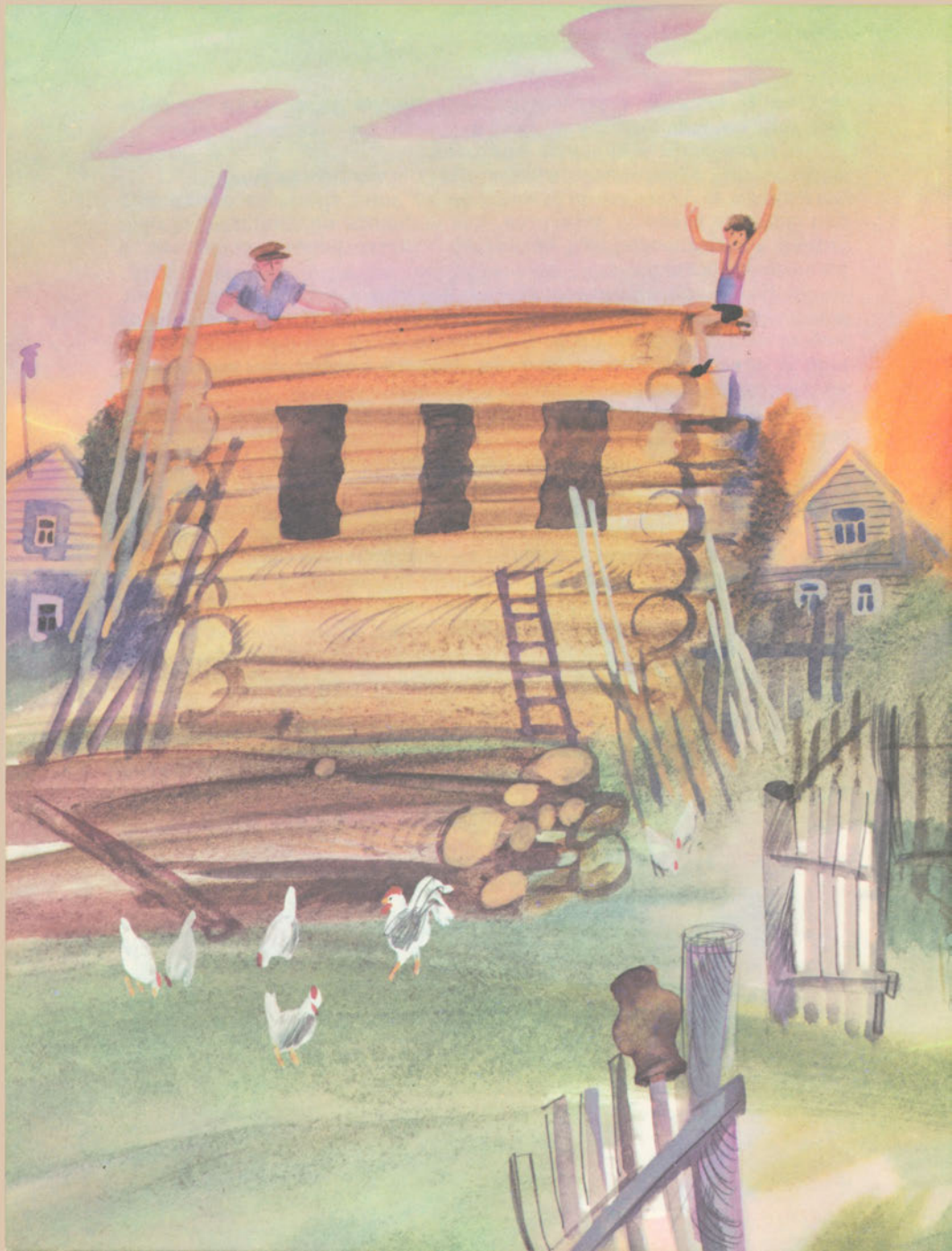
Под вечер, когда Кирилл и Анатолий не падали лишь потому, что вдвоём держались за лопату, а лопата накрепко завязла в растворе, мальчишка сказал:

— На сегодня хватит. Отдыхайте. Завтра приступим. — Взял коня под уздцы и повёл его по дорожке. — До свидания.

— До свидания, — сказал Кирилл.

— Молочка бы сейчас попить, — сказал Анатолий.

Прятели обождали, пока не замолк скрип колёс, и направились к деревне.

Они долго плутали по улицам в поисках дома, где, по их мнению, оказалось бы самое сладкое молоко.

Наконец они выбрали избу с высокой крышей и с тюлевыми занавесками. Постучали по стеклу пальцем.

Из окна выглянула старуха. Крепкая — зубов полный рот. Морщины на её щеках всё время двигались, словно рябь на воде.

— Ой, родимые! Кто это вас так уходил? — спросила старуха, и все морщинки побежали у неё на лоб.

— Нам бы молочка, — сказал Анатолий, прислонясь к стене.

— И свежих огурчиков, — сказал Кирилл.

— Сейчас... Я вам и картошки горяченькой... — Старуха скрылась в окне.

Напротив ставили новый дом. Сруб был уже почти подведён под крышу. Два мастера укрепляли последний венец: один старый, с давно не бритым подбородком, с усами, напоминавшими две зубные щётки; другой молодой, в линялой майке.

Анатолий нервно закашлялся.

— Варяг...

— Он, — кивнул Кирилл.

Мальчишка заметил их тоже. Он приподнялся на срубе, замал рукой:

— Эй, эй!.. Подождите, дело есть...

Анатолий юркнул в кусты, Кирилл бросил на старухино окно голодный, печальный взгляд и шмыгнул за товарищем.

— Эй, эй!.. — крикнул мальчишка.

Старуха высунулась из окна.

— Вот молочко, — сказала она. — Вот картошка...

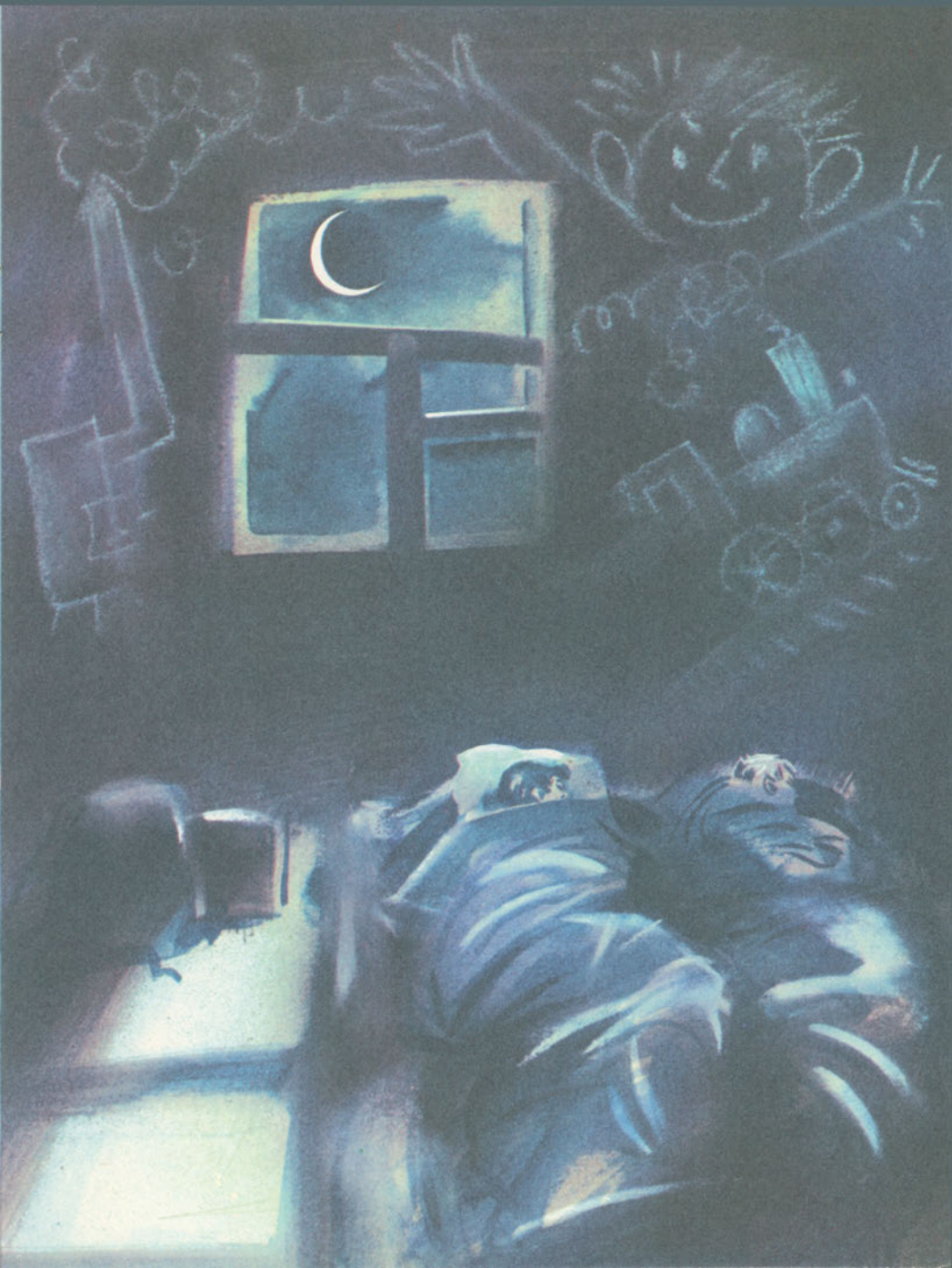
Кирилл и Анатолий бежали к своей хижине. В этот день приятели легли спать, даже не попив чаю.

Они ворочались на сенниках. Ломило кости, мускулы ныли и вздрагивали, словно через них пропустили электрический ток.

Они слушали, как гудят сосны, потерявшие под старость сон, как лопочет задремавший подлесок. В висках толкалась уставшая кровь. Кириллу мерещились громадные кирпичные горы, каждая величиной с Казбек; трубы всех размеров, водонапорные башни, телеграфные столбы; печи простые и доменные, города, небоскрёбы! И над всем этим возвышался мальчишка. Он шевелил губами и норовил обмерить весь белый свет своей верёвочкой.

Утро стекало с подоконника солнечными струями. Тёплый сквозняк шевелил волосы. На подоконнике сидел воробей. Он клюнул доску раз, клюнул два, сыто чирикнул и уставился булавочными глазами на спящих людей.

Кирилл пошевелился, открыл глаза и тотчас закрыл их. На та-

буретке посередине комнаты сидел мальчишка и перелистывал книгу.

— Здравствуйте,— сказал мальчишка.

Анатолий тоже открыл глаза.

— Уже,— сказал Анатолий.

Мальчишка ткнул пальцем в страницу.

— Ценные книги. И сколько в земле всякого жилья позасыпано. Я вот смотрю, как только человек образовался — сразу строить начал. — Мальчишка окинул глазом кирпич, наваленный у порога, крыши, видневшиеся за полем. — Видать, строительная профессия самая что ни на есть древняя. Впереди всех началась. Портные там, сапожники — это уже потом... Даже хлеб сеять после начали.

— Да,— промычал Анатолий,— ты прав, пожалуй. — Он впервые посмотрел на мальчишку с интересом, потом встал, кряхтя и охая.

— У вас тоже язва? — спросил мальчишка и торопливо добавил: — Наденьте очки, не то опять споткнётесь.

На полу лежала рама, сколоченная из горбылей.

— А это ты зачем приволок? — проворчал Кирилл. — Может, дополнительно к печке курятник хочешь соорудить?

— Опалубка такая — для удобства размеров, — пояснил мальчишка. — Я её сегодня утром сколотил. Попросил у Матвей Степаныча досок. Он бригадир плотницкий.

Кирилл закутался в простыню.

— Ты с ним правление колхоза ставил. Я знаю...

— Шутите. — Мальчишка положил книгу, встал с табуретки. — Правление у нас каменное, сами видели. Мы ему на скотном дворе помогали. Там все ребята работали. Сейчас-то все наши в поле. Косят.

— А ты что же?

— Я по причине ноги. Ходить долго не могу.

Кирилл ещё плотнее запахнул простыню. Утро его почему-то не радовало. Он морщился, вытягивал шею, дёргал подбородком.

— Где ж ты ногу сломал? При самолётной катастрофе, конечно.

Анатолий глянул на Кирилла насмешливо.

— Шутите, — сказал мальчишка. — Мы в футбол играли — я на стекло напоролся.

Он прошёл в угол, развернул газетный свёрток, вытащил инструменты, костыли и гвозди.

— Чего вчера от бабки Татьяны убежали? Я вам костыли хотел дать...

— Костыли бы сейчас не помешали, — прокричал Кирилл, поднимаясь с матраца.

— Ты как, нам позавтракать дашь или сразу за водой бежать, за кирпичом, может? — спросил Анатолий.

— Позавтракайте, — разрешил мальчишка, установил раму по меловым отметкам, прибил её к полу железными костылями. — Натошак работать трудно. Вон я вам кринку молока принёс.

Анатолий взял холодную кринку, взболтнул её и приложился к горлышку. Припадая на обе ноги, подошёл Кирилл.

— Дай мне.

— Чайку попьёшь. У тебя язва... — Анатолий отстранил Кирилла, повернулся к мальчишке: — Эй, варяг, поешь с нами.

— Я ещё сытый. Я утром блины ел со сметаной. — Мальчишка вбил последний костыль. — Когда у вас печка будет, вы тоже блинами завтракать сможете.

— Блинами завтракать, — пробрюзжал Кирилл. — Дай молочка...

Анатолий передал ему кринку.

— Ладно. Говорить правильно он ещё выучится. Командуй, мастер, что делать?

— А много делать,— впервые улыбнулся мальчишка.— Кирпич носить, раствор месить. Работы хватит.

Кирилл допил молоко, поставил кринку в угол и схватился за поясницу.

— Ой! — сказал он.— Лучше бы всухомятку.

Работали в одних трусах. Кирилл и Анатолий носили воду, замешивали раствор. Когда печка с плитой поднялась мальчишке до пояса, он отложил мастерок и задумался, потом лёг на пол, достал из-за пазухи обломок карандаша, клочок бумаги и принялся чертить.

Кирилл и Анатолий примостились на полу рядом с ним.

Мальчишка чертил карандашом на бумаге, скрёб карандашом по своей голове, вздыхал и опять чертил. Он спросил вдруг:

— Вы много зарабатываете?

Кирилл и Анатолий переглянулись. Кирилл пошлёпал пальцем по оттопыренной губе. Анатолий загасил папиросу, сунув её в раствор.

— Бывают люди, много зарабатывают, а такие экономные. Ну, жадные, что ли,— сказал мальчишка.

— Вот почему ты перестал печку класть!

— Н-да... Вот, оказывается, что ты за личность... Не беспокойся, мы тебе заплатим как следует.

Мальчишка опустил голову, перевязал верёвочку на калоше.

— Я не к тому,— пробормотал он.— Мне деньги не надо. Я за интерес работаю.— Он подошёл к заказчику.— Если вы много зарабатываете, почему бы нам не устроить электрическую печку? И грязи меньше, и за дровами ходить не нужно.

Мальчишка встал, подошёл к печке.

— Спираль нужно и регулятор. Правда, она току много употребляет. Мы такую с Сергеем-монтером в инкубаторе делали. Но если вы хорошо зарабатываете...

— Ты это брось. Ты делай, что начал!— оборвал его Анатолий.

— А я что? Я делаю... Я только про интерес говорю. Деньги мне ваши не надо.— Он помигал белыми ресницами и пошёл к двери.

— Ты куда?!— крикнул Кирилл.

Мальчишка не ответил.

Двери плотно закрылись за ним.

Тишина. На печке стояло ведро; оно протекало немного. Капли падали на пол: «Кап, кап, кап...»

Анатолий поднялся, подцепил раствор из ведра, шлёпнул его на угол плиты и уложил кирпичину.

— Зря мальчишку обидели,— сказал он.— Зачем ты на него накричал?

— Это ты на него накричал,— огрызнулся Кирилл.— Ты на него второй день кричишь. Не разбираешься в людях.

— Ты разбираешься,— Анатолий положил ещё одну кирпичину.— Давай догоним его. Объясним — мол, вышло недоразумение.

Они высочили из домика. Кирилл крикнул:

— Эй!.. Эй!..

Никого вокруг.

— Эй, ты!..— снова закричал Кирилл.— Слушай, а как его зовут?

— Варяг,— смущённо сказал Анатолий.

Конечно, отыскать такого заметного мальчишку в деревне — дело простое. Спросил — и каждый ответит.

У скотного двора приятели встретили доярок в белых халатах.

— Простите,— сказал Анатолий.— Вы не скажете, где тут мальчишка живёт?

— Какой? — спросила красивая девушка с ямочками на щеках.

— Такой...

— Майка выцветшая, трусы обвислые, — пришёл на подмогу приятелю Кирилл. — Нос вроде фиги... Голова не стриженная давно.

Девушка засмеялась:

— У нас все такие. Их сейчас стричь некогда. Мы их по весне вместе с овцами стрижем.

Засмеялись и другие друзья.

— А девчат вы не ищите? — Подталкивая друг друга, они протиснулись в дверь.

— У него на одной ноге калоша верёвочкой привязанная! — крикнул Кирилл. Девчата за дверью захохотали ещё громче.

Кирилл и Анатолий упрямо шагали по улицам. Улиц в деревне немного. Одна, другая — и все тут.

— Культурные городские люди, — ворчал Анатолий. — Даже имени не спросили. Позор!

Возле правления колхоза стоял трактор. Мотор работал на малых оборотах, пофыркивал и иногда встряхивал машину. К трактору была прицеплена самосвальная телега с громадным возом сена. Коза, встав на задние ноги, теребила сено. А возле крыльца стояли тракторист и девушка-счетовод.

Увидев тракториста, Кирилл и Анатолий воспряли духом.

— Этот мальчишка... Где он живёт? — спросил Анатолий. — Тот, помните?

— Помню, — пробурчал парень свирепо. — Эта чума вон в том доме обитает. Его Гришкой зовут...

— Спасибо, — сказал Кирилл. Они с Анатолием пошли было, но парень окликнул их:

— Постойте. Его сейчас дома нет. Он у бабки Татьяны.

Дом бабки Татьяны оказался тем самым, где Кирилл и Анатолий просили молока. На стук им никто не ответил. Они вошли в просторные чистые сени, остановились на пороге комнаты.

В комнате чисто. Пол устлан стиранными дорожками. На стене два плаката по животноводству, старая икона и портрет Ворошилова в военной форме. Скатерть на столе откинута. На газете наполовину разобранный швейная машинка старинного образца.

— Гришка! — позвал Анатолий тихо.

Молчание. Только край занавески шуршит по обоям.

— Гришка! — позвал Кирилл.

Опять тишина.

За их спинами открылась дверь. Вошла бабка Татьяна.

— А-а-а, — сказала она. — Здравствуйте... За огурчиками зашли?

— Нет, огурчики потом. Мы Гришку ищем.

— Гришку? Чего же его искать? Вон он, машинку налаживает. — Бабка подошла к дверям, глянула в комнату. — Только что был... Меня вот за маслом послал к Никите Зотову, к шофёру. Говорит, принеси солидол. Без него не получится... — Бабка поставила баночку с маслом возле машинки, посмотрела туда, сюда. — Вы проходите, садитесь... Я вас молочком топлёным угощу.

Кирилл и Анатолий прошли к столу. Бабка вытерла руки о фартук и засемила за перегородку к печке. Вдруг она громко вскрикнула и выскочила обратно:

— Кто там?

— Где?

— Там, — сказала старуха испуганным шёпотом и показала локтем за перегородку. Она смотрела на гостей со страхом и недоверием. — А куда ж вы вчера удрали?..

Кирилл и Анатолий встали из-за стола.

Старуха попятилась, потом шустро подскочила к окну.

— Иван! Иван! Спасай! — завопила старуха, откинув занавеску. — Я ж тебе говорю, спасай, окаянный!

Кирилл и Анатолий подошли к русской печке.

На шестке, между чугунов и сковородок, топтались два громад-

ных валенка, перепачканных в золе и саже. Один валенок приподнялся. Из пятки у него выбивался дымок. Вероятно, пятку прожгло углём.

Анатолий решительно постучал по валенку согнутым пальцем.
— Слушайте, товарищ.

Валенок опустился, выдавив из пятки ядовитое облачко дыма. Анатолий постучал ещё раз.

— Эй, что вы там делаете?

— Где?.. Что случилось? — слышались голоса в соседней комнате. В дверях показались бабка Татьяна, тракторист и девушка-счетовод.

— Вот они, — бабка победно подбоченилась. — А третий ихний в печке шарится. Я их ещё вчера приметила. Не наши люди...

— Неловко получается, граждане, — сказал тракторист. — Что вы тут делаете?

— Мы ничего...

— Мы Гришку ищем...

Девушка-счетовод выглядывала из-за широкой трактористой спины.

— Вы что ж, его в трубе ищите? — спросила она. — Он, чай, не окорок.

— А если документы проверить. — Парень двинулся вперёд, выпятив все свои мускулы.

— Проверь, Ванюша, проверь, — сказала старуха.

Но тут валенки шевельнулись. Один спустился с шестка, нащупал табуретку. За ним — другой. Из печки вылетело облако саж. И появился Гришка. Весь перемазанный, полузадохшийся. Он чихнул и открыл глаза.

— О господи! — ахнула бабка. — Да чего же ты в трубе делал?

— Колено изучал. — Голос у Гришки был хриплый, будто горло его забило сажей. Он кашлял и сплёвывал себе на ладошку чёрные слюны.

Бабка опомнилась от изумления и страха, схватила скородник.

— Я тебе дам колено, мазурик! Машину развинтил, а сам в колено полез?

Парень-тракторист подошёл к Гришке, ткнул его пальцем в живот и восхищённо пробормотал:

— Вот чума! Вот это чума!..

Гришка прыгнул с табуретки, увернулся от бабкиного скородника, перепачкав Анатолия сажей.

— Печник говорил — у вас печка высшего класса. Почему у вас хлебы лучше всех?!

Старуха изловчилась, схватила его за чуб.

— Мои хлебы мои руки делают, а не какие-то там коленья. Валенки стариковы прожёт. Я из тебя дурь вытрясу!

Кирилл и Анатолий сидели на подоконнике в своём доме. Их мучила одна догадка, но они молчали, не решаясь произнести её вслух.

Скоро прибежал Гришка.

— Ещё за волосы дерёт,— сказал он, размазывая по лицу сажу.— А вы не беспокойтесь, я сейчас.— Он подошёл к печке.— А может, вам русскую сложить?— Глаза у него заблестели.— В русской колено вот так идёт...

— Ты лучше скажи,— не выдержал Кирилл,— зачем ты нам голову дуришь? Ты думаешь, мы глупые? Ты ведь печек никогда не делал.

Гришка отвернулся.

— А я разве говорил такое? Я не говорил...— Он постоял немного, поводит калошей по полу.— Плотническое могу. Трактор водить могу. За движком на электростанции следить могу. Я швейную машинку чинил даже. У бабки Татьяны. Системы «Зингер».

— Видели мы твою починку,— сказал Анатолий.

— Так это в который раз уже. У неё вал подносился. Надо втулку специально точить...— Гришка посопел в обе ноздри, опустил голову.— А печек... Печек не клал...

— Мы-то здесь при чём?— устало спросил Анатолий.— Зачем ты нас заморочил?

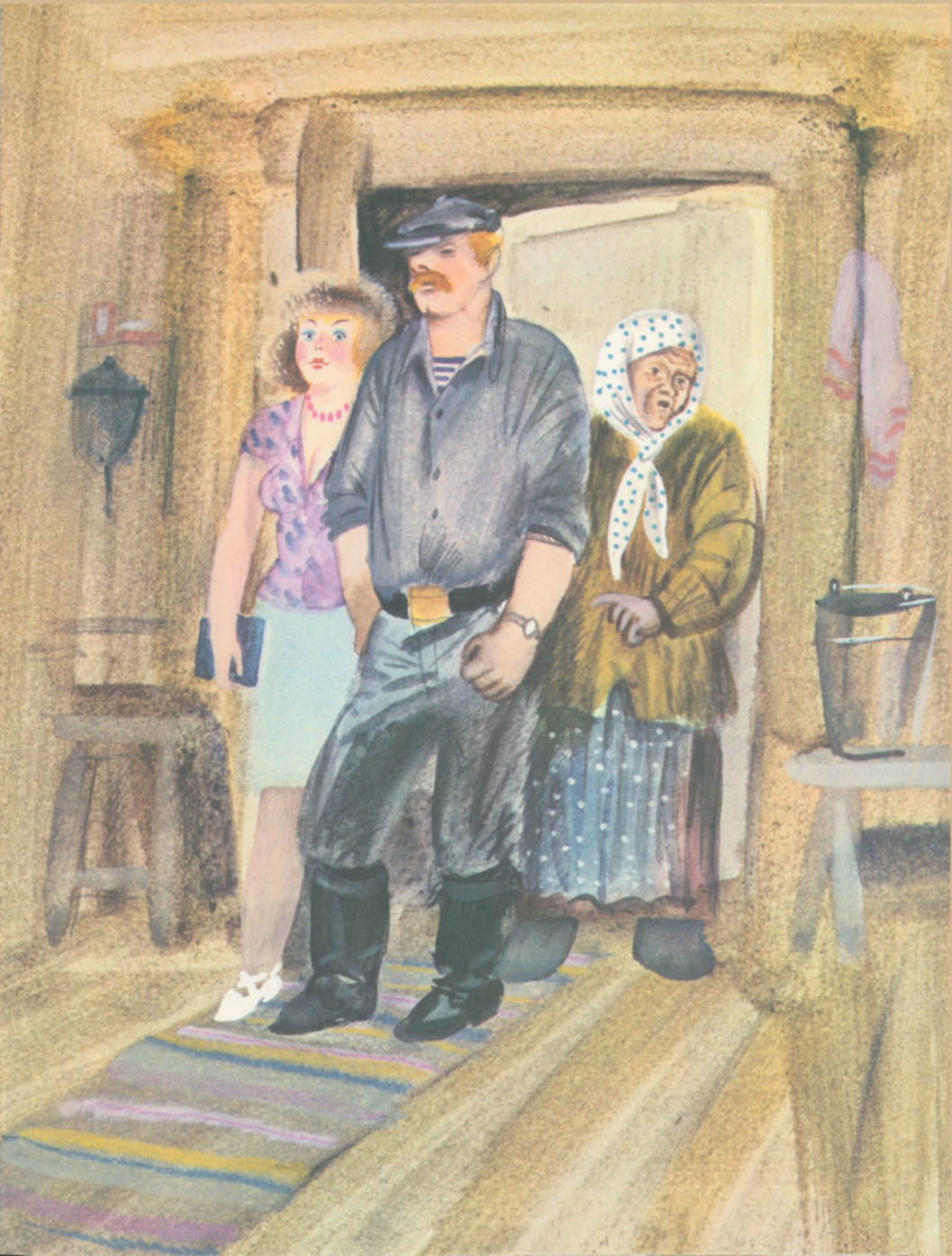
— Вы ни при чём, конечно. Печник у нас — чистый бандит. Вся деревня через него страдает. Вон сколь домов без печек стоят. А он как заломит цену, хоть корову продавай.— Гришка уложил на угол плиты кирпичину, потом другую. Сердито, словно кому-то назло.— Этот печник — жлоб. Никого к себе не подпустит. Боится заработок потерять. Я за ним три дня подсматривал в окно. Как он до этого места дошёл...— Гришка снял уложенные кирпичины, бросил их обратно на пол и пошёл по плитам мастерком.— Как до этого места дошёл, заметил меня и прогнал лопатой. А печку мы всё равно поставим. Вы не сомневайтесь. В печке самая загвоздка в колене, как колено вывести... Вы потерпите только.

Кирилл и Анатолий разостлали на полу большой лист бумаги, придавили края обломками кирпичей.

— Вы чего?— спросил Гришка.

— Печку... Ты что думаешь, мы будем ждать, пока ты сообразишь, как колено вывести?..

До вечера они конструировали печку на бумаге. Втроём. Гришка потерял всю свою солидность.

— Тяга ведь вверх идёт,— говорил он.— Воздух горячий возьмёт разгон, тут его и поворачивать.

Кирилл рисовал колено.

— Так?

— Правильно! — вопил Гришка. — Пришпилим...

Один раз он всё-таки сказал с сожалением:

— Может быть, русскую, а? У нас тут всё больше русские в моде. Хлебы печь.

— Делай, что начали! — прикрикнул на него Анатолий.

На исходе дня они приступили к строительству. Гришка вёл кладку, Кирилл с Анатолием подавали ему кирпич, воду и раствор.

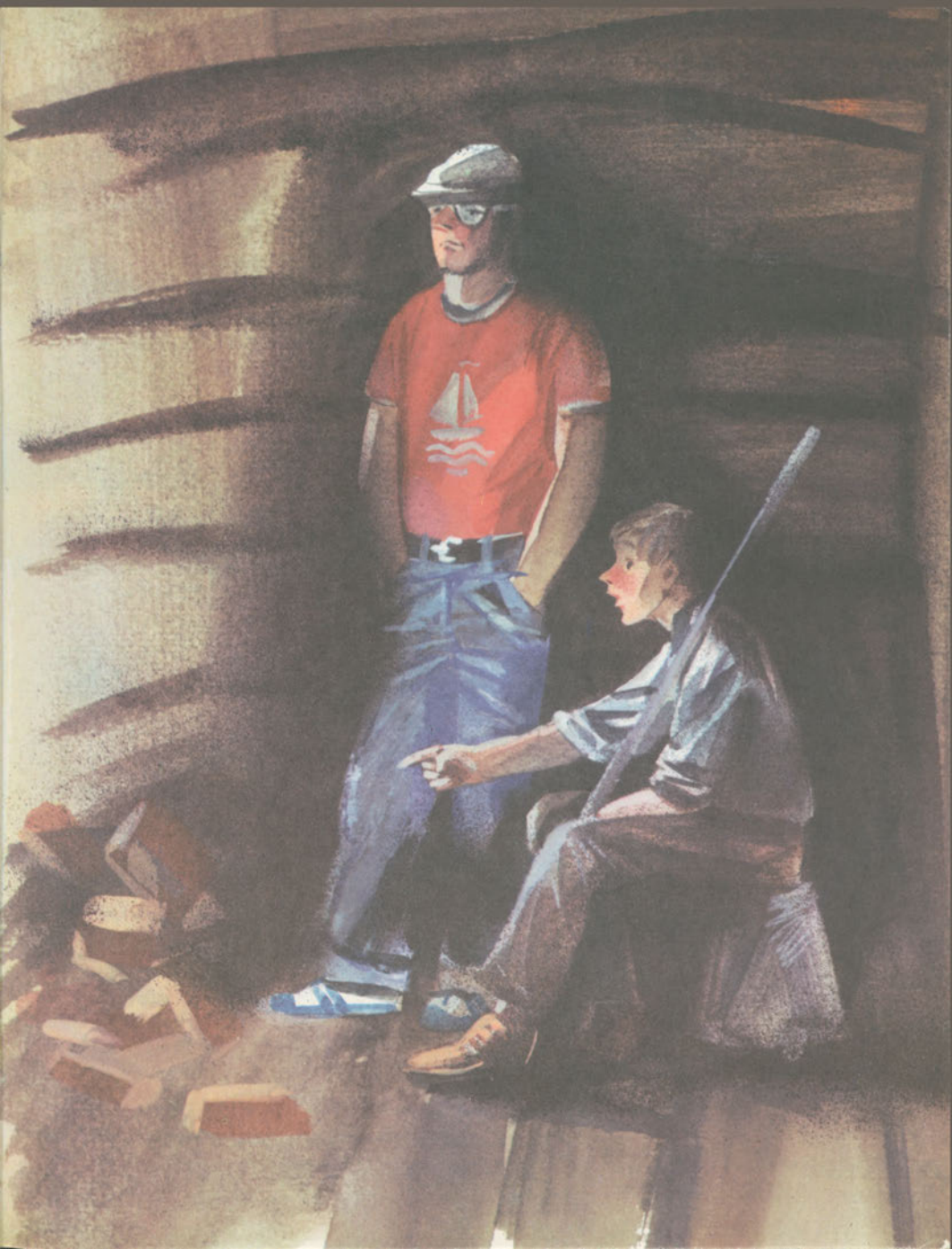
— Ложитесь, кирпичи, лежите на печи. Засунем в печь поле-но — полезет дым в колено! — распевал Гришка под потолком. Он задрал голову кверху, помигал и сказал расстроенно: — А дырку-то? Дырку-то не прорубили — трубу выводить.

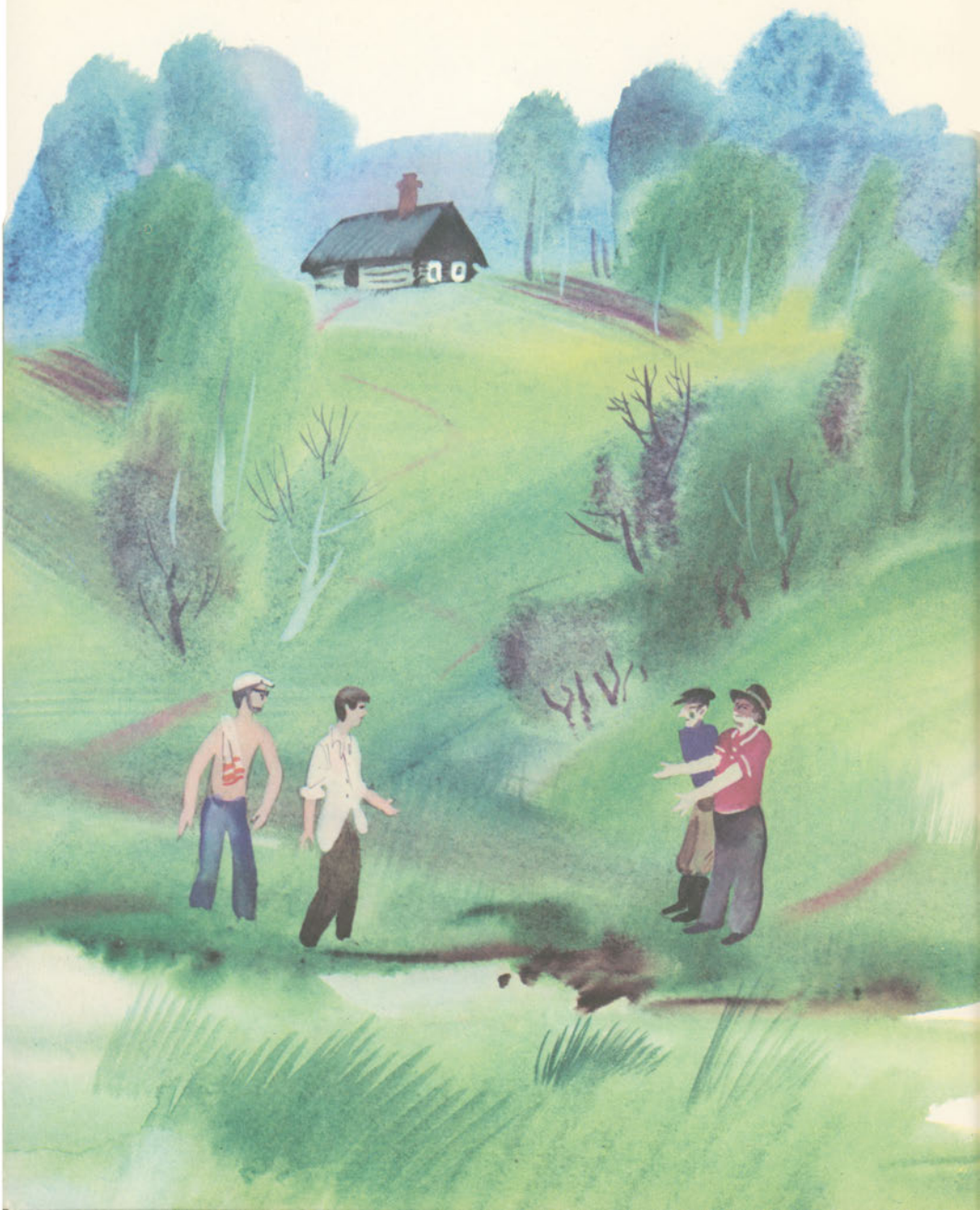
Кирилл и Анатолий полезли на чердак.

Кирилл прорубал в потолке, Анатолий — в крыше.

Работал Кирилл неумело, поэтому доски, которые он вырубил, повалились вниз.

— Эй! — закричал Кирилл. — Отскакивай!.. — Просунул лысоватую голову в дыру и закричал ещё громче: — Что ты делаешь? Анатолий тоже наклонился над отверстием.

Гришка старательно разбирал печку. Он складывал кирпичи на пол, соскабливал с них раствор.

— Ты что, с ума сошёл? — Анатолий спрыгнул с чердака на землю, ворвался в домик. — Делали-делали. Уже ночь на дворе.

— Упущение допустили, — возразил Гришка.

— Какое ещё упущение? — спросил Кирилл с чердака.

— Печурку нужно, как у бабки Татьяны.

Кирилл покрутил пальцем возле виска.

— Сдвинулся... Давай уж сразу всю комнату печками загордим. В том углу голландку, в том — «буржуйку». Тут печурку, тут лежанку...

Гришка разостлал чертёж.

— Зачем. Печурка, она вроде норы. Она в печке делается. Носки в ней сушить можно, валенки греть... У бабки Татьяны в печурке кот спит.

— Но ведь у нас нет кота, — сказал Анатолий, устало садясь возле Гришки.

— Это вы не беспокойтесь. Я вам кота доставлю. — Гришка подошёл к печке, пытаясь показать, какая бывает печурка. — Она такая, — говорил он. — Норой... В общем, печка без печурки — как велосипед без звонка. Из печурки тёплый воздух в комнату волной прёт.

Они сделали печурку. Они сделали не одно колено, а целых три. Трубу они соорудили широкую, на голландский манер.

— Агрегат тепла, — сказал Анатолий.

— Монумент, — сказал Кирилл.

— Это ещё не всё, — сказал Гришка. — Её ещё обмазать и просушить нужно.

Третье утро вошло в домик тихо и неожиданно. Оно дрожало вокруг кисейным туманом. Третье утро заполнило домик запахом трав. Этот запах пересилил запах глины, запах старой извести.

— Тишина, — сказал Кирилл.

— Скоро радио заговорит, — сказал Анатолий. — «С добрым утром, дорогие товарищи!» — Анатолий оглядел стены.

— ...Вы не беспокойтесь, — перехватив его взгляд, заявил Гришка. — Я вам радио проведу. Тогда у вас совсем как у людей будет.

Печка, обмазанная глиной, стала совсем красивой.

Гришка приволок охапку хвороста. Кирилл и Анатолий пошли к роднику мыться.

Они поливали друг друга из ведра, шлёпали себя по бокам, приглушая тем самым гордую усталость. Они не заметили, как подошёл председатель колхоза. Вместе с ним застенчиво трусил невысокий мужичок в полосатой рубашке, застёгнутой до самого ворота.

— Вот,—председатель кивнул на своего спутника.—Здравствуйте... Печник вчера прибыл. Если, конечно, договориться с ним.

Печник скромно улыбался.

— Работы у меня много. Все поперёд других хотят. От этого цена. И ещё цена от колен зависит.

Анатолий осмотрел печника с головы до пят. Кирилл сделал то же самое в обратном порядке.

— Да,—сказал Анатолий,—конечно, в колене всё состоит...

— И ещё смотря какую печку.—Мастер переступил с ноги на ногу.—Печки ведь разные бывают. Русские бывают, хлебы печь. Голландки, они для тепла больше. «Буржуйки» ещё...

— Это для фасона,—подсказал Кирилл.

Печник мягко поправил его:

— Для уюта... «Буржуйка», она...

— Нам вот такую,—перебил печника Анатолий. Он шумно раздвинул кусты и показал на крышу. В этот момент труба выбросила густой клубок дыма. Дым покружился вокруг каёмки, побегал и побежал весёлой струёй вверх.

Печник замигал. Глаза у него забегали, пальцы зашевелились. Он сразу весь пришёл в движение, словно прислонился к горячему.

На порог дома вышел Гришка, перепачканный и усталый.

— Ты?..—спросил председатель.

— Мы... Это мы вместе,—испуганно ответил Гришка. Но, почувствовав, что никакой трёпкой это дело не угрожает, Гришка приосанился и с ухмылкой глянул на печника.

Труба дымила. Домик, казалось, плыл вдоль лесистого берега. Он будил лесную чащобу, пугал тишину своим весёлым, обжитым видом.

